

Вырезка из газеты

29
МАР 1983
СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

В. КАНДЕЛАКИ,
народный артист СССР:

«Приглашаю на премьеру»

Пятьдесят четвертый сезон выступает в Московском академическом музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко Владимир Аркадьевич Канделаки. И сегодня его можно услышать и увидеть в таких спектаклях, как «В бурю», «Любовь к трем апельсинам», «Донья Жуанита», «Цыганский барон», «Нищий студент».

Случай подобного сценического долголетия не просто редкий в практике оперных трупп, а почти исключительный.

Артиста яркой индивидуальности, Канделаки всегда отличал подлинный оптимизм. Не случайно Владимир Аркадьевич так любил и любит шутку, юмор.

Как самые дорогие реликвии В. Канделаки хранит медали «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Закономерен был приход Владимира Аркадьевича — ученика Немировича-Данченко, в режиссуру.

Сегодня Владимиру Аркадьевичу Канделаки исполняется 75 лет. Мы попросили юбиляра поделиться своими мыслями об искусстве, рассказать о своих учителях, о процессах становления антера.

— Моим педагогом по вокалу в Тбилисской консерватории был профессор Евгений Алексеевич Вронский. Это известный мастер, воспитавший плеяду грузинских певцов.

Потом — ГИТИС, где я учился у Леонида Васильевича Баратова. Он-то и привел меня первый раз к Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко. Пятнадцать лет я работал под руководством этого выдающегося режиссера. Незабываемое время! В спектаклях, поставленных им, я сыграл в спел Сторожева («В бурю»), Бориса Тимофеевича («Катерина Измайлова»), Митьку в «Тихом Доне». А рядом с ними комедийные образы: Вице-король в «Периколе», Калхас в «Прекрасной Елене».

Как видите, роли и партии очень разные по характеру и актерским амбалам. Конечно, трудно было в 25 лет играть старика Бориса Тимофеевича. Зато такое разнообразие характеров и образов не позволяло повторяться. Каждая роль, подготовленная с Владимиром Ивановичем, как бы открывала новые актерские возможности.

С оперой Тихона Николаевича Хренникова «В бурю» связано много волнующих воспоминаний. Рождавшаяся в нашем театре, ныне она стала советской музыкальной классикой. В работе над постановкой сложилась необычная ситуация: режиссер... обогнал композитора. Немирович-Данченко не стал ждать, пока молодой автор завершит всю оперу, и со свойственной ему страстью приступил к репетициям.

«В бурю» можно назвать спектаклем счастливой судьбы: ведь здесь впервые в истории советского музыкального театра на сцену вышел артист в образе Владимира Ильича Ленина. Это незабываемо!

Пятую, как мы ее называли, «ленинскую», картину ждали не только зрители, но и все участники постановки.

— Владимир Аркадьевич, когда читаешь список спектаклей, в которых вы выступали, невольно обращаешь внимание на большое количество названий опер советских композиторов.

— Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко всегда смело включал в свой репертуар новые произведения советских авторов. Я выступал в операх Прокофьева, Шостаковича, Кабалевского, Крюкова, Книшпера, Ходжа-Эйнатова, Слонимского, Тактакишвили.

Особенно мне памятен спектакль «Семья Тараса». Постановка Леонида Баратова отличалась подлинным реализмом, жизненной правдой и одновременно высокой поэтичностью.

Меня неизменно увлекала работа в новых советских спектаклях. Это очень трудно, но

и очень интересно. Это подлинное творчество!

— Но ведь не только театром ограничивается ваша творческая деятельность. Вы неоднократно снимались в кино. Недавно миллионы телезрителей видели вас в фильме «Музыкальное путешествие». Как-то в передаче «С добрым утром» звучала запись популярного в тридцатые годы «Джаз-гола». Расскажите, пожалуйста, об этом ансамбле.

— Артисты театра часто выступают в концертах, но мне казалось скучным и нейтральным делать на эстраде то же, что делаешь на своей сцене.

С группой молодых коллег из нашей труппы мы организовали «Джаз-гол» — вокальный джаз. Мы импровизировали на темы популярных песен, сами создавали репертуар. Это была, если можно так сказать, «самодельность» профессиональных артистов. Нас приглашали на крупнейшие концертные площадки Москвы. Особенно часто мы пели в саду «Эрмитаж». Однажды нас всех — весь «Джаз-гол» — вызвал к себе в кабинет Владимир Иванович Немирович-Данченко. Сами понимаете, как мы испугались! Владимир Иванович заставил нас исполнить всю программу, от души смеялся и разрешил выступать, так сказать, под маркой музыкального театра. Так что уже «на законных» основаниях «Джаз-гол» подготовил театральные приветствия на юбилеях Антонины Васильевны Неждановой и Леонида Витальевича Собиннова.

— Читателям было бы интересно услышать ваши суждения о классической оперетте. Ведь вы истинный знаток жанра, и, помимо ряда интереснейших актерских работ, у вас на творческом счету постановки оперетт, и в их числе — «Цыганский барон» И. Штрауса, который с большим успехом идет на сцене Московского музыкального театра.

— Да, с классической опереттой я дружен очень давно. И снова не могу не вспомнить Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Ведь в 1937 году на гастролях в Ленинграде музыкальный театр показал премьеру — «Прекрасная Елена» Оффенбаха в постановке Немировича-Данченко. Заглавную партию исполнила замечательный мастер нашей труппы Надежда Кемарская. Я играл Калхаса.

Успех спектакля был поистине опеломальным. Эта постановка принципиальное значение: главным героем в нем стала музыка. Мы вернули любителям классической оперетты блестящие мелодии Оффенбаха. Большая работа была проведена и над пьесой, чтобы очистить ее от пошлости, примитива.

Для меня вся эта работа стала хорошей школой. Обращаясь

в дальнейшем к классической оперетте, я всегда стремился в своих постановках прежде всего как можно полнее раскрыть богатства музыки. Пьеса же должна точно соответствовать музыкальной драматургии, а не ломать замысел композитора, как это подчас встречается.

Убежден, лучшие оперетты Оффенбаха, Миллекера, Целлера, Легара, Кальмана не устареют и сегодня. Они любимы нашим зрителем.

— В «Цыганском бароне» выступает большая группа молодых артистов. Какую роль, с вашей точки зрения, в их творческой биографии играет классический опереточный репертуар?

— Я убежден, что это настоящая школа для молодежи: ведь артист должен овладеть мастерством сценического диалога, сценического танца. К нему приходит то, что на нашем театральном языке называется «сценической свободой».

Репетируя «Цыганского барона», я работал с Лидией Черных, Азалией Вознесенской, Ларисой Штанько, Валентиной Щербининой, Еленой Свечниковой, Анатолием Лошаком, Виталием Темичевым, Владимиром Маториным... Очень не легко и не просто шли репетиции. Но теперь все «новобранцы» жанра классической оперетты полюбили спектакль. Любит его и зритель. Вскоре после премьеры я и сам как исполнитель «вошел» в поставленный мной спектакль и с удовольствием играю роль Стефана.

— Не одно поколение артистов Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко считает вас своим наставником. Что бы вы хотели пожелать молодым коллегам?

— Прежде всего любви и верности своему театру. Для меня театр всегда был главным в жизни. Пусть и для всех молодых артистов он становится родным и любимым домом. 54 года, которые я проработал здесь, быстро, стремительно пролетели, и если меня спросят сегодня, о чем я сейчас мечтаю, отвечу: об одном — чтобы каждый день спать в театре.

— Владимир Аркадьевич, уж коим вы любезно согласились побеседовать после репетиции нового спектакля «Доротея», скажите несколько слов о своей новой роли.

— Тихон Николаевич Хренников принес в наш театр свою музыкальную комедию «Доротея». Ставит спектакль главный режиссер театра народный артист РСФСР, профессор Иосиф Шароев, музыкальный руководитель — наш главный дирижер Владимир Кожухарь.

Я играю одну из центральных ролей — роль богатого рыботорговца Мендосо. Надеюсь, будет очень веселый, задорный и добрый спектакль. Так что приглашаю читателей «Советской культуры» на премьеру.

Беседу записал
И. КАЗЕНИН.

Фото А. Степанова.